

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО КОНЦА XV – СЕРЕДИНЫ XVI В. В ТРАКТАТЕ МИХАЛОНА ЛИТВИНА «О ПРАВАХ ТАТАР, ЛИТОВЦЕВ И МОСКВИТЯН»

УДК 94(474.5)

Л.В. Николаева

УО «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники»

Внешняя политика – это сфера деятельности определенных субъектов на международной арене, которая регулирует отношения с другими субъектами международных отношений. В период позднего средневековья и раннего нового времени такими субъектами являлись только государства. Одним из них было Великое Княжество Литовское (далее – ВКЛ). Внешняя политика ВКЛ опиралась на экономический, демографический, военный и культурный потенциал государства, поскольку сочетание последних определяло возможности государства на тех или иных направлениях, иерархию приоритетов в постановке и реализации целей внешней политики. Геополитическое положение ВКЛ исторически доминировало в выборе им партнеров и развитии взаимоотношений с противниками.

Традиционной формой осуществления внешней политики государства являлось установление дипломатических отношений между государствами (или снижение их уровня, приостановка, разрыв и даже объявление войны при обострении отношений с бывшими партнерами или противниками). Как любое государство, ВКЛ имело на международной арене свои особые интересы и задачи, при достижении которых оно могло вступать в противоречия с интересами других государств. Крайней формой решения этих противоречий были войны, главным инструментом ведения которых являлись войска. Кроме того, политически значимые результаты иногда достигались путем систематического воздействия на сознание людей с использованием разных методов убеждения. Используя эти политические, военные и идеологические средства, государство стремилось достичь своих внешнеполитических целей.

Благодаря существованию разнообразных каналов связи, ВКЛ занимало соответствующее ему место и в системе других государств. Причем, начавшая налаживаться в это время в Европе система международного равновесия, делала невозможным существование государства-гегемона в определенном регионе [14, с. 3].

Принятая в каждом конкретном государстве система взглядов на цели, задачи и характер внешнеполитической деятельности, способы ее реализации отражались в его внешнеполитической доктрине. При этом акцент делался на основных проблемах, актуальных для государства на тот момент, а также определялись принципы его действий в международных делах.

Отдельно следует остановиться на характеристике рассматриваемого периода. В целом, конец XV – середина XVI в. – этап, который был переломным в

истории не только ВКЛ, но и всей Европы, которая с конца XV в. вступила в новый этап международных отношений. Характерной его особенностью стало завязывание ряда узлов международных противоречий, угрожавших войнами. Во-первых, это было столкновение интересов Испании, с одной стороны, и Франции и Англии, со второй, которое вылилось в конце XV – первой половине XVI в. в Итальянские войны (1494 – 1559 гг.). Во-вторых, взаимоотношения европейских государств с Османской империей, которая осуществляла свою экспансию в Европу. В-третьих, борьба между странами Северной Европы за господство на Балтике. Четвертым узлом международных противоречий данного периода явилось противостояние Великого Княжества Московского и ВКЛ, соперничавших в деле собирания русских земель. Перманентная военно-политическая борьба за гегемонию в восточноевропейском регионе, в которую переросли литвинско-московские отношения, не прошли незамеченными для других государств-соседей, поскольку фактически все они в той или иной степени оказались втянутыми в этот конфликт. Перевес ВКМ, который наметился уже с начала XVI в. и был закреплен дальнейшими успехами в военных операциях, вызвал смену расстановки сил в Восточной Европе, нарушив налаженное равновесие сил. Попытки ВКЛ восстановить свое прежнее положение и существовавший ранее международно-правовой порядок с помощью военных акций успеха не имели. В свою очередь ослабление военно-политического потенциала государства вызвало рост значение дипломатии в разрешении актуальных противоречий с ВКМ [14, с. 4].

Следует отметить, что преобладание дипломатических средств в решении внешнеполитических противоречий, наблюдавшееся в то время в практической деятельности руководства ВКЛ, не было случайным. XVI в. в европейских странах стал временем оформления дипломатической службы, центральных и местных учреждений, обслуживавших внешнюю политику государств [15, с. 239]. ВКЛ несколько отставала в этом плане. Здесь дипломатическая служба в рассматриваемый период еще не являлась автономным государственным институтом. Дипломатические отношения были только одной из функций государственного аппарата в целом. Кроме того, сохранение персональной унии с Польшей приводило к своеобразному самоограничению ВКЛ в сфере деятельности его дипломатии. Это было связано с попытками польской стороны монополизировать отношения ВКЛ со странами Центральной и Западной Европы, оставляя в области компетенции великокняжеской дипломатии только отношения с государствами Восточной и Юго-Восточной Европы [16, с. 9]. Вместе с тем, существование в структуре государственного управления ВКЛ таких институтов, как Рада панов и вальный сейм, содействовало тому, что во внешнеполитическом курсе ВКЛ сохранялись элементы, позволявшие обеспечивать определенную степень самостоятельности в осуществлении программы его международной политики руководством страны, подчеркивая обособленность ВКЛ от Польши, избавляясь от польского влияния во внешней политике Княжества [14, с. 5].

В числе повествовательных источников, созданных в середине XVI в., которые можно привлечь к исследованию истории внешней политики ВКЛ в конце XV – середине XVI в., обращает на себя внимание трактат Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян», который несколько выделяется в числе других нарративов того времени. В распоряжении исследователей есть только 10 больших фрагментов произведения, которые сохранились до нашего времени. Они были изданы на латинском языке в 1615 г. в Базеле (Швейцария) Й.Я. Грассером в типографии К. Вальдкирха (в одной книге с работой Я. Ласицкого «О богах жемайтов, других сарматов и ненастоящих христиан...») [1]. Полный текст трактата пока не найден.

Уже в XIX в. сохранившиеся части трактата М. Литвина стали предметом интереса русских исследователей, когда были сделаны два перевода их текстов на русский язык С.Д. Шестаковым [2] и К. Мнльником [3]. Факсимиле первого издания и перевод на литовский язык Й. Ионинаса были опубликованы в Вильнюсе в 1966 г. [4]. Одно из последних изданий русскоязычного перевода текста фрагментов с комментариями вышло в Москве в 1994 г. [5]. Оно было использовано при написании данной статьи.

Исследователи сходятся во мнении о том, что трактат был написан до 1550 г., так как в этом году он уже был представлен Сигизмунду II Августу (в ВКЛ Сигизмунд III Август) (1520 – 1572) королю польскому и великому князю литовскому [1548 – 1572, формально с 1529] [5, с. 61].

Также не вызывало сомнения, что Михалон Литвин – это псевдоним автора. Настоящее его имя долго оставалось предметом дискуссии. В дореволюционной российской, а затем и советской исторической литературе авторство приписывалось Михаилу Тышкевичу, государственному деятелю и дипломату, православному по мереисповеданию, участнику посольства в Крым в 1538 г. [6, с. 87]. Впервые имя М. Тышкевича, как предполагаемого автора трактата, было предложено известным исследователем истории ВКЛ, представителем киевской школы В.Б. Антоновичем [7, с. 5 – 6]. Основанием для такого предположения стала схожесть имен Михалон и Михаил. Именно по имени среди общественных деятелей ВКЛ и был найден кандидат, который мог бы написать данное произведение. Эта гипотеза была поддержана и развита авторитетным исследователем истории ВКЛ, классиком литуанистики М.К. Любавским [8, с. 49–54]. С резкой критикой такого мнения выступил И.И. Лаппо, который обратил внимание на несовпадение некоторых характеристик личности автора текста и предполагаемого кандидата на эту роль (первый – литовец, католик, который воспринял идеи Реформации, второй – православный русин) [9, с. 333]. Однако, несмотря на критику И.И. Лаппо, первоначальная версия укрепилась и была принята многими исследователями. С кандидатурой М. Тышкевича в качестве автора трактата, хотя и не без колебаний, соглашался и литовский исследователь Й. Ионинас [6, с. 87]. В то же время последний озвучил и новое мнение относительно вероятного автора, предложенное, но не опубликованное К. Яблонски-

сом, который считал, что трактат мог принадлежать перу Микифора Гриньки Ловейковича по прозвищу Михайло [10, с. 14]. Вместе с тем, подготовленная Й. Ионинасом литовскоязычная публикация трактата содействовала укреплению гипотезы М.К. Любавского [4]. С ней соглашался и еще один литовский исследователь Ю.М. Юргинис [6, с. 87 – 96]. К вопросу об авторстве трактата обращался и белорусский ученый С.Ф. Сокол, который частично развернул выводы М.К. Любавского, и причислил М. Литвина к представителям гуманистической мысли Беларуси [11, с. 35–63; 12, с. 199–204]. Новый взгляд на проблему появился в конце 1970-х гг., когда польский историк Е. Охманьский на основе комплекса признаков, которые характеризовали автора, а также свидетельств других источников, убедительно доказал, что вторым трактата мог быть только Венцеслав (Венцлав) Миколаевич (около 1490–1560 гг.), литовец, католик, латинский секретарь великокняжеской канцелярии в 1534 – 1542, 1547 – 1556 гг., участник нескольких дипломатических миссий, в том числе в Крым (в 1542 – 1543 гг.) и Москву [13, с. 97 – 117]. На наш взгляд, логичные и обоснованные доказательства Е. Охманьского являются наиболее приемлемыми.

Трактат – полемическое произведение. Но приближенность автора к центру принятия политических решений, а также его дипломатический опыт и описание увиденного во время посольств позволяют рассматривать сохранившиеся части трактата как источник по различным аспектам внешней политики ВКЛ.

В первом фрагменте М. Литвин дал характеристику татарского мира, его раздел на орды, отмечая наибольшую опасность для ВКЛ самых слабых, но ближе других находящихся перекопских татар, т.е. Крымского ханства [5, с. 62]. Информация, приведенная автором трактата, имела стратегическое значение для возможных военных походов войск ВКЛ на Крым. Он обратил внимание на организацию военного дела и взаимоотношения татар и турок с христианским населением Крыма. По его данным, хан мог собрать войско численностью около 30000 конников [5, с. 65].

Описывая отправление татарских войск на помощь туркам в походе на Венгрию, который мог иметь место в 1543 г. [13, с. 105], М. Литвин обратил внимание на бедное вооружение татар, которые, однако, всегда брали с собой много коней, до пяти запасных на одного конника. Последнее позволяло увеличить скорость и мобильность передвижения. Отсутствие обоза также повышало скорость передвижения. Важной целью набегов татар был захват пленных для продажи. В бою они обычно окружали противника с левого фланга, что делало более удобной стрельбу из лука. Татары часто использовали тактику обмана и засад. Без уловок и хитрости они часто уступали значительно меньшему войску [5, с. 66]. В качестве примера М. Литвин привел битву на р. Ольшанице 5 февраля 1527 г., где, по его сведениям, войску противника, потери которого составили 25 тысяч человек, противостояло 3,5-тысячное войско ВКЛ, которое в итоге победило. Такие сведения о соотношении сил сообщает только М. Литвин. В битве же под Клецком погибло 27 тысяч татар, разбитых 9-ю тысячами ратников ВКЛ [5, с. 67].

М. Литвин обратил внимание на то, что татары выбирают для битв стратегически выгодные места. Так было у Сокаля, где войско ВКЛ потерпело поражение, ибо в разрушенном городе быстро двигаться было невозможно. Из-за стратегического просчета была проиграна и битва с Ислам-Султаном у Очакова, несмотря на численный перевес войска ВКЛ. Оно было разбито в то время, когда его командиры находились на переговорах с татарами [5, с. 67–68].

Во втором фрагменте М. Литвин сообщал о ежегодных «упоминках», которые присылает в Крым ВКЛ, как друзьям-союзникам [5, с. 75].

В третьем фрагменте автор трактата негодовал из-за потери 73 крепостей ВКЛ, захваченных восточным соседом [5, с. 76]. М. Литвин не согласен с тем, что заволжские и крымские татары называли князя москвитян своим холопом, так как от их верховенства избавился еще великий князь московский Иван III. Последний, пользуясь занятостью короля и великого князя Казимира войной в Пруссии, присоединил к своей вотчине литовские, по мнению М. Литвина, земли: Новгород, Псков, Северщину [5, с. 77–79]. А его сын Василий присоединил Смоленск, хитростью занятый М. Глинским [5, с. 79]. А царь Иван IV, хотя и отдал ВКЛ Гомель, построил на захваченных землях три крепости: Себеж, Велиж, Заволочье. По мнению автора, московский царь во всем берет пример с великого князя литовского Витовта, которым М. Литвин открыто восхищался [5, с. 80, 85].

В пятом фрагменте М. Литвин подчеркнул ведущую роль литвинов в освобождении русского населения от татарского ига [5, с. 87]. Он с гордостью вспоминал о коронации Миндовга королевской короной, крещении Литвы в 1386 г. великим князем Владиславом Ягайло и объединении Польши и ВКЛ под его руководством [5, с. 88].

В восьмом фрагменте автор восхищался славным военным прошлым ВКЛ во времена Гедимины и Витовта [5, с. 91], походами на Москву. Он предлагал отказаться от наемных войск во время военных кампаний. При этом автор приводил пример короля Венгрии Людовика, оставленного наемниками во время битвы, после чего он был затоптан при бегстве. Вспоминал он и Казимира Ягеллончика, которого во время битвы у Хойнице спасли добровольцы из ВКЛ [5, с. 93].

В девятом фрагменте содержатся сведения об организации дипломатической службы в ВКЛ. М. Литвин утверждал, что на его родине, когда посылали кого-нибудь по государственной службе, то он, даже если еще не заслужил, получал деньги из казны в необходимом количестве, хотя многие возвращались, ничего не сделав [5, с. 94]. Канцелярия ВКЛ выдавала очень много разрешений на подводы. Недавно же от обязательных постоев освободили тех, кто в свое время получил имения у дорог к землям москвитян, татар и турок, при условии, что они будут выполнять эту повинность [5, с. 95]. Автор трактата обвинял в потере северских крепостей князей-перебежчиков С. Можайского и В. Шемячича. М. Литвин также сообщал о деятельности московских шпионов. Так, по его сведениям, какой-то московский священник тайно проник в великокняжескую

канцелярию и добыл там копии договоров, распоряжений и материалы совещаний, которые посылал своему правителю. М. Литвин сожалел о 300 трофейных флагах, утраченных в результате пожара в виленском костеле Святого Станислава, в том числе 12, захваченных 8 сентября 1514 г. в битве под Оршей, во время которой было убито и захвачено в плен 80 тысяч московских воинов. Автор демонстрирует и знакомство с политической жизнью за границей, поскольку знает, что у ливонцев с Москвой вечный мир (по сути – перемирие 1503 г.) и добрососедские отношения [5, с. 96]. Он перечислил девять переправ через Днепр и советовал поставить там хотя бы небольшие отряды, чтобы перекрыть путь татарам [5, с. 99]. С этой целью можно было бы использовать казаков [5, с. 100–101].

Таким образом, трактат М. Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян» относится к числу нарративных источников, информационно богатых сообщениями по истории взаимоотношений ВКЛ с Крымским ханством и рядом других татарских орд. В нем также имеются интересные сообщения об отношениях ВКЛ с Великим Княжеством Московским. Произведение содержит уникальные сообщения о событиях внешнеполитического характера, акцентирует внимание на ряде важных моментов внешнеполитической и военной доктрины ВКЛ, дает их оценку с точки зрения своих современников, пытается объяснить причины военных неудач ВКЛ и является интересным аутентичным источником.

Список источников и литературы

1. Michalonis Lituani De moribus tartarorum, lituanorum et moschorum fragmina X multiplici historia referta et Johannis Lasicii Poloni De diis samagitarum, caeterorumque sarmatarum et falsorum christianorum. Item de religione armeriorum et de initio regiminis Stephani Batorii. Nunc primum per I. Jac. Grasserum, C. P. ex manuscript authentice adite. – Basiliae apud Conradum Waldkirchium, MDCXV. – P. 1–41.

2. Литвин, М. Десять отрывков разнообразного исторического содержания (из сочинения) Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян»/ М. Литвин; пер. С.Д. Шестакова// 1) Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. – М.: тип. Александра Семина, 1854. – Кн. 2. Половина вторая. Отд. 5. – С. I – VIII, 1 – 78; 2) Вестник Юго-Западной и Западной России. – Т. III. – Февраль 1864. – С. 23 – 30; Март 1864. – С. 39 – 50.

3. Литвин, М. О нравах татар, литовцев и москвитян. Отрывки 1-10 / М. Литвин; пер. К. Мельника // Мемуары, относящиеся до истории Южной Руси / под ред. В. Антоновича. – Киев: тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1890. – Вып. 1: XVI в. – С. 6–58.

4. Lietuvis, Mykolas. Apie totorių, lietuvių ir maskvėnų papročius: Dešimt įvairaus istorinio turinio fragment/ Mykolas Lietuvis (vertė I. Jonynas, parengė). – Vilnius: Vaga, 1966. – 137 p.

5. Литвин, М. О нравах татар, литовцев и москвитян/ М. Литвин; пер. В.И. Мотузовой, отв. ред. А.Л. Хорошкевич. – М.: Издательство МГУ, 1994. – 151 с.

6. Юргинис, Ю.М. Посольство Михаила Литвина у Крымского хана в 1538–1540 гг. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. / Под ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Наука, 1979. – С. 87 – 96.

7. Антонович, В.Б. Извлечения из сочинения Михайлы Литвина / В.Б. Антонович // Мемуары, относящиеся до истории Южной Руси/ под ред. В. Антоновича. – Киев: тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1890. – Вып. 1: XVI в. – С. 1–6.

8. Любавский, М.К. Кто был Михайло Литвин, написавший в первой половине XVI в. трактат «О нравах татар, литовцев и москвитян»/ М.К. Любавский// Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук: Ученые записки Института истории. – 1929. – Т. IV. – С. 49–54.

9. Лаппо, И.И. Литовский статут 1588 г./ И.И. Лаппо. – Каунас, 1936. – Т. 1: Исследование, ч. 2. – X, 591, [1] с.

10. Дмитриев, М.В. Михалон Литвин и его трактат/ М.В. Дмитриев, И.П. Старостина, А.Л. Хорошкевич// Литвин, М. О нравах татар, литовцев и москвитян/ М. Литвин; пер. В.И. Мотузовой, отв. ред. А.Л. Хорошкевич. – М.: Издательство МГУ, 1994. – С. 6–56.

11. Сокол, С.Ф. Социологическая и политическая мысль в Белоруссии во второй половине XVI в. / С.Ф. Сокол. – Минск: Наука и техника, 1974. – 144 с.

12. Сокол, С.Ф. Идеи гуманизма в мировоззрении Михайло Тышкевича / С.Ф. Сокол // Проблемы общественных наук: Материалы XIII конференции молодых ученых Белоруссии / Под ред. И.М. Ильюшина. – Минск: АН БССР, 1970. – 309 с.

13. Охманьский, Е. Михалон Литвин и его трактат «О нравах татар, литовцев и москвитян» середины XVI в. / Е. Охманьский // Россия, Польша и Причерноморье в XV – XVIII вв. / Под ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Наука, 1979. – С. 97–117.

14. Мікалаева, Л.В. Арганізацыя знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XV – сярэдзіне XVI ст.: Дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / Л.В. Мікалаева/ БДУ. – Мн., 2003. – 107 с.

15. История дипломатии. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. – Т. 1. – 896 с.

16. Баненис, Э. Д. Посольская служба Великого Княжества Литовского (середина XV в.-1569 г.): Автореф. дис. ...канд. историч. наук: 00.07.02/ Э.Д. Баненис / Ин-т истории АН Литвы. – Вильнюс, 1982. – 21 с.